

Жулаева Анна Сергеевна

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГОДОВ

Автор исследует особенности положения женщин-крестьянок в семье в период перехода советского общества к новой жизни. В работе также анализируются следующие изменения повседневной жизни сибирской деревни в 1920-е годы: ускорение процессов социализации женского населения деревни; внедрение в семейный уклад положений о "новом быте"; распространение новых форм семейных отношений; заимствование элементов городского образа жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 59-61. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 60.542.21

Исторические науки и археология

Автор исследует особенности положения женщин-крестьянок в семье в период перехода советского общества к новой жизни. В работе также анализируются следующие изменения повседневной жизни сибирской деревни в 1920-е годы: ускорение процессов социализации женского населения деревни; внедрение в семейный уклад положений о «новом быте»; распространение новых форм семейных отношений; заимствование элементов городского образа жизни.

Ключевые слова и фразы: традиции; новации; образ жизни; эволюция семейных отношений; повседневный бытовой уклад; духовная культура.

Жулаева Анна Сергеевна, к.и.н., доцент

*Сибирский государственный технологический университет
lazurit-slk@mail.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГОДОВ[©]

В 20-е годы XX века на состоянии крестьянской ментальности отразился конфликт традиционных ценностей и обновленческих веяний. По мнению философа Ортеги-и-Гассета, «кризис наступает тогда, когда система убеждений прежних поколений теряет для новых поколений свою значимость, и человек оказывается без мира» [15, с. 15]. Он не знает, что думать о мире, что делать. Ситуация принимает для него характер катастрофы, так как разрушены мировоззренческие и поведенческие стереотипы, являющиеся основополагающими для жизнедеятельности человека. Что же явилось основным движущим мотивом крестьянской революционности XX века? Отторжение модернизации как таковой или конкретных форм, средств и способов ее проведения в крестьянских обществах? Если последнее верно, то крестьянство должно было проявить симптомы своей способности к преобразованиям, сигнализировать о желательной для него модели. Российское крестьянство в первые десятилетия нашего века обнаружило такие симптомы во всех сферах жизни.

Историки говорят о том, что между идеальными типами крестьянина – консерватором и сторонником новых нравов и быта – располагается множество переходных смешанных типов.

Поскольку основным смыслом традиции является передача картины мира, то появились представления о том, что жизненные проблемы допускают различные варианты, они многозначны, совсем необязательно во всем следовать тому, как «делали наши отцы и деды». Все это оказало неизбежное влияние на процессы социализации женского населения деревни. Сильно расширилось поле обмена между традициями и новациями. Но глубина и скорость изменений были различны в разных областях России. Традиции и новации образовывали сложные переплетения [12, с. 120].

В 20-е годы XX века положение сибирских женщин в семье все еще было тяжелым, особенно в глухих православных селах Восточной Сибири. Дочери во всем должны были подчиняться отцу. Не спрашивая согласия, их выдавали замуж, часто за нелюбимого человека. Отец сам определял размеры приданого. Материалы обследования положения девушки в деревне Архангельской Устьянского района в начале 20-х годов сообщают исследователю о том, что: «...В семье на девушку смотрят как на работницу лишнюю, которую надо сбыть. Братья относятся к сестрам почти враждебно, презрительно, редко когда живут дружно, потому девушка в обществе не считается за вполне полноправную. На нее установился взгляд как на нечто необходимое для домашнего обихода. В девушке ценится только здоровье – выносливость» [1, д. 54, л. 9].

После замужества женщина попадала в зависимое положение от семьи мужа. На нее смотрели как на рабочую силу. Она должна была выполнять многие работы в поле, на нее ложилась основная нагрузка и в домашнем хозяйстве [4, д. 1075, л. 376].

В малой семье женщина становилась хозяйкой, но трудилась не меньше, чем в неразделенной. Женщины, несмотря на свою большую загруженность (работа дома и в поле), в крестьянском хозяйстве считались его второстепенными членами и почти всегда подчинялись мужскому авторитету [Там же, л. 139].

Периодическая печать первой половины 20-х годов XX века содержит массу примеров своеобразного понимания деревенскими парнями положений о «новом быте». Например, секретарь ячейки РЛКСМ села Батама Зиминского уезда Иркутской губернии Оленхович «...женится недавно на девушке-крестьянке, а через две недели сказал: «Слушай, ты мне больше не нужна. Вот тебе 8 рублей. Кстати, сними ботинки, они на мои деньги куплены». Ушла, что делать. Оленхович взял ботинки, подарил их другой... На комсомол девушки смотрят косо. А секретарь сейчас взялся вовлекать в союз ребят, пьет, гуляет с ними каждый день» [14].

Не добившись согласия родителей на брак по собственному выбору, парни и девушки, «поглянувшись» друг другу, часто решались на брак «убегом» («уводом»). «Беглые» браки (без официального благословения родителей) настолько распространились, что в ряде мест Сибири превратились в обычай [2, д. 85, л. 21 об. – 25].

Из материалов исследования положения девушки в деревне Архангельской Устьянского района в начале 20-х годов следует, что «экономическое положение, желание вырваться из-под влияния родителей, стать

самостоятельной заставляет девушку выходить замуж. Форма брака «беганье» все чаще и чаще встречается в деревне. Это объясняется тем, что девушка действует самостоятельно, идет замуж по первому порыву, чтобы избежать протеста со стороны родителей» [1, д. 54, л. 9].

Этот же источник сообщает, что в деревне очень часто наблюдаются разводы только что вышедших замуж. Причины развода следующие: девушки выходят замуж по первому порыву и поэтому часто разочаровываются, не сходятся характерами. Экономические условия тоже играют здесь известную роль. Кроме того, девушки выходят замуж для того, чтобы стать самостоятельными, но, встретив в лице мужа новую кабалу, разводятся [Там же, л. 9 об.].

Предметы городского быта, городские манеры, городские песни входили в моду. «Городские ребята» затмевали в глазах деревенских девушек местных, сельских. Будь «горожане» совсем чужаками, отношение к ним было бы настороженное, а так они воспринимались именно как «свои» городские, как выходцы из родного села, авторитетно утверждавшие городской образ поведения [8, с. 155].

«Картину вакуума безвластия, анархии, хаоса и беспорядка в деревне дополняют пьянство и винокурение, достигшие прямо катастрофических размеров. Пьют и старые, и малые» [3, д. 137, л. 27]. Такое положение объяснялось тем, что крестьяне верили предсказаниям, что в недалеком будущем Советская власть будет отбирать весь хлеб. Масштабы пьянства в декабре 1923 – январе 1924 года приняли такой размах, что встал вопрос о том, что весной крестьянам «не только нечего будет сеять, но даже нечего будет есть», в связи с чем возникнут воровство, грабежи, убийства и бандитизм [7, с. 29].

Источники содержат информацию о борьбе самих крестьянок с самогонованием в деревне. Так, инструктор Красноярского окружкома ВКП(б) по работе среди женщин Торопова в докладе по результатам обследования Манского района писала о том, что «...есть небольшая часть крестьянок, которые борются с самогоном. Пример – село Нарва, население – полурабочее, полукрестьянское. Есть часть охотников. Мужья пропивают все, что заработают. Жены собрали собрание и решили бороться с самогонкой. Выбрали ударную тройку, которой поручили, если где узнают, что выгнали самогон, пойти и бить окна. Но когда узнал секретарь ячейки, то посоветовал им не делать того, что решили, а лучше доносить в милицию. Так по совету секретаря ячейки они и делают, и сообщают в район, что самогонки меньше стало» [4, д. 1075, л. 378].

Традиционно существовала в сибирских деревнях и такая форма внебрачных связей как проституция. Об этом свидетельствуют источники самого различного происхождения [10; 11]. Сильнее всего проституция была развита в больших трактовых селах, в пригородной зоне, вблизи приисков и в местах уголовной ссылки. Так, по словам корреспондента газеты «Енисей», «почти в каждом доме... вы найдете... тайный притон разврата с богатым рассадником сифилиса и его последствий» [6]. Организованные советской властью в первые годы разноплановые меры по борьбе с проституцией на местах не принесли реальных и коренных изменений. Кроме того, выявилась тенденция переложить тяжесть деятельности по борьбе с проституцией, как одного из направлений работы среди женщин вообще, в основном на самих женщин, осложненная острым противостоянием мужских и женских интересов [11, с. 45].

В заключение необходимо отметить, что годы мировой и гражданской войн, революции оказали деформирующее воздействие на семейный уклад селян Сибири. Солдаты, возвращающиеся с фронтов, несли в деревню новые понятия о жизни, семье и желании освободиться от подчинения авторитету отца, старших братьев. Кроме того, массовая гибель мужчин подрывала семейное хозяйство, оставшееся без работника-кормильца. Более остро встала в Сибири проблема «отцов и детей», увеличилось количество «смутков» и «непоняток» внутри крестьянской семьи. Проявлением семейной дезорганизации явилось распространение в среде крестьян свободных добрых отношений, внебрачных связей, проституции, аборт и венерических заболеваний. Положения о «новом быте» были восприняты молодежью села как призыв к отмене института традиционной семьи. При этом нельзя забывать о том, что данные деструктивные процессы имели в Сибири и в России давние исторические корни.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1. Оп. 1.
2. ГАКК. Ф. 182. Оп. 1.
3. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2с.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-2. Оп. 1.
5. Дзгоева Э. П. Женское пространство в хозяйстве традиционной осетинской семьи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. Ч. 2. С. 59-62.
6. Енисей. Красноярск, 1920. 27 марта.
7. Жулаева А. С. О политическом положении Енисейской деревни в начале 20-х годов XX века (по материалам Государственного архива Красноярского края) // Духовно-исторические чтения. Красноярск, 1996. Вып. 1.
8. Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993.
9. Марнупольский В. А. Борьба за новый быт // Путь молодежи. 1924. 16 марта.
10. Мирошниченко М. И. Женская проституция на Урале в 1920-1935 гг. и борьба с ней: обзор литературы 1920-х – начала 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2. Ч. 1. С. 122-125.
11. Мирошниченко М. И. Создание Советов по борьбе с проституцией в начале 1920-х годов: женская и мужская позиция в директивах центра и практике мест // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 1.

12. Мухина З. З. Обретение социо-культурного опыта как структурообразующего фактора повседневной жизни девушки-крестьянки Европейской России (вторая половина XIX – начало XX веков) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Вып. 16.
13. Мухина З. З., Пушкарева Н. Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после Великих реформ XIX века) // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (20).
14. О новом быте // Путь молодежи. 1925. 25 ноября.
15. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4.
16. Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918-1929 гг.). М: Российская академия естествознания, 2009.

EVOLUTION OF FAMILY RELATIONS IN SIBERIAN VILLAGE OF THE 1920S

Zhulaeva Anna Sergeevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Siberian State Technological University
lazurit-slk@mail.ru

The author studies the features of rural women's position in family during the period of the soviet society transition to new life. The paper also analyzes the following changes in the daily life of the Siberian village in the 1920s: the acceleration of the processes of female population socialization in the village; the introduction of the "new way of life" provisions into family lifestyle; the spread of new forms of family relations; and the borrowing of urban lifestyle elements.

Key words and phrases: traditions; innovations; lifestyle; evolution of family relations; daily household lifestyle; spiritual culture.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье впервые в историографии рассмотрены основные направления и результаты работ по добыче олова, вольфрама и ртути на Северо-Востоке России в 1966-1970 гг. (период восьмой пятилетки). Особый акцент автором сделан на освещении последовательного внедрения технических новаций в горное производство. Изучены проблемы оловянно-вольфрамового сектора объединения Северовостокзолото, связанные с охраной труда, охраной природы, жилищно-коммунальным хозяйством.

Ключевые слова и фразы: горнодобывающая промышленность; олово; вольфрам; ртуть; Северовостокзолото; Магаданская область; Чукотка; восьмая пятилетка.

Земяк Виталий Григорьевич, к.и.н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
zelyak75@mail.ru

ОЛОВЯННО-ВОЛЬФРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ[©]

После ликвидации совнархозов и восстановления деятельности профильных министерств, для эксплуатации минеральных ресурсов Северо-Востока России в составе Министерства цветной металлургии СССР (МЦМ) и его Главного управления золотоплатиновой и алмазной промышленности (Главзолото) в конце 1965 г. было организовано объединение Северовостокзолото. Основой задачей объединения являлась добыча золота, но при этом Северовостокзолото, как и его предшественники, сохранило практику извлечения из недр нескольких металлов. Так, во второй половине 1960-х гг. объединение кроме золота осуществляло промышленную добычу олова, вольфрама, ртути, попутно извлекались серебро, платина и палладий. При этом в структуре МЦМ предприятиями оловодобычи руководило главное управление свинцовой, цинковой и оловянной промышленности (Главцинксвиноцелово), предприятиями по добыче вольфрама – главное управление вольфрамо-молибденовой промышленности (Главвольфрам). Однако руководство страны вновь предпочло сохранить единую организацию – Северовостокзолото, а не создавать одновременно в горнодобывающей промышленности региона несколько специализированных подразделений по направлениям металлодобычи (например, Северовостоколово, Северовостокртуть). Необходимо отметить, что Северовостокзолото в этом отношении не являлось исключением: так, оловодобывающие предприятия Якутии оставались в ведении объединения Якутзолото [1, д. 1, л. 70].

В региональной историографии уделялось определенное внимание «незолотому» сектору горнодобывающей промышленности Северо-Востока, но должным образом динамика его развития не была проанализирована из-за отсутствия в открытых источниках данных по добыче металлов в абсолютных величинах.